

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 45–57, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-45-57
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94 (47+57)

Educational Environment and Hierarchy within the Deportee Community in Western Siberia (1940–1950s)

Aleksandr S. Ivanov ¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department of Natural Science Subjects and Humanities, Surgut Institute of Oil and Gas — Affiliated Institution of Tyumen State Oil and Gas University in Surgut; Senior Lecturer, Department of History of Russia, Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: 88d@bk.ru.

Abstract

The article — through the analysis of state educational policy, educational spaces and practices of employment of deportees in the educational sphere — attempts to characterize the heterogeneity of the status ‘special contingents’ in the context of a special administrative regime.

It is established that the educational environment of the 1940–1950s has evolved considerably as compared to the period of ‘dispossession’ of the early 1930s: since the 1937 school year children of special settlers were formally educated on a common basis (in schools, colleges and universities); as distinct from the 1930s, no attempt had yet been made to use literature in national languages and establish any national schools for deportees; teachers-representatives of the ‘punished peoples’ were to teach their compatriots only in Russian; in the mid-1950s ‘significant drawbacks’ in the education of ethnic deportees were acknowledged (those were mentioned short before the lifting of restrictions on the special settlements in view of the need to ‘fix’ the repressed people in the areas of their forced settlement).

There was a general vector of development of the educational environment: the wave of ethnic deportations and the increase in ethnic diversity of the special settlements were accompanied by increased unifying trends in education — which resulted from the refusal to take into account any national features of ethnic deportees. The ambivalence of the government’s actions regarding the educational environment of the special settlements was explained by the desire of the Soviet system to transform the ‘suspicious’ population into loyal individuals who would work in state indicated territories and have only those professional knowledge and skills that were required by the state.

Analysis of a set of documents relating to the history of the settlements suggests that state educational policy in the special settlements supported the hierarchy of ‘contingents’ and ‘in-contingent’ groups established by administrative and operational methods (socially dangerous and socially close), the position of which was determined by the opinions of the authorities regarding the degree of loyalty of a particular category of special settlers. The Germans and Kalmyks were considered to be ‘more loyal as compared to other special contingents’ and could get employed in educational institutions, while ‘less loyal ones’ (‘the Baltic contingents’, deportees from the North Caucasus, Crimean Tatars and Ukrainian Nationalists) were virtually deprived of this opportunity. The government’s ‘bottleneck policy’ inflicted significant damage on the deportees: the general level of education of the special settlers was reduced to the pre-war level; disparities in the proportions of different specialists, especially those to engaged in the humanities, occurred.

Keywords: deportation, special settlement, educational environment, Kalmyk deportees.

Историография истории образования сталинского периода достаточно обширна, однако в данных исследованиях не рассматривалась проблема специфики образовательного процесса среди спецпереселенцев [Кириллюк 2015; Стась 2015], также специально не затрагивали этот вопрос специалисты из регионов выселения (в частности, Республики Калмыкия [Максимов 2007; Максимов 2009; Убушаев 2007]). Исключения составляют исследования И. В. Лиджиевой, в которых исследователь воссоздает образы депортации калмыцкого народа, запечатленные в памяти вернувшихся на родину «детей депортации» [Лиджиева 2013; Лиджиева 2014]. Этим обусловлена актуальность изучения заявленной темы. Из числа сибирских и дальневосточных специалистов в области депортации в своих работах данную проблематику непосредственно затрагивают Л. В. Алексеева, Н. И. Загороднюк, Н. М. Игнатова, С. А. Красильников, В. В. Мошкин, В. В. Сарнова, Е. Н. Чернолуцкая [Алексеева 2003; Загороднюк 1992; Игнатова 2009; Красильников 2004; Мошкин 2008]. Указанные исследования можно условно разделить на две группы: первую составляют авторы, которые особо выделяют школы для спецпереселенцев как режимное образовательное пространство (Л. В. Алексеева, Н. И. Загороднюк, В. В. Мошкин); вторую — исследователи, рассматривающие данную категорию школ только как часть общеобразовательной системы (Н. М. Игнатова, С. А. Красильников, В. В. Сарнова, Е. Н. Чернолуцкая). Есть и более локальные историографические различия. Например, если для В. В. Мошкина история обособленной сети учебных заведений для спецпереселенцев заканчивается в середине 1930-х гг., то для Н. И. Загороднюк она продолжается до 1950-х гг. [Загороднюк 1992: 80; Мошкин 2008: 174].

Используя принципы предложенного В. Л. Глазычевым средового подхода, мы учитываем, что целостная образовательная среда призвана обеспечить полноценное развитие и становление личности, овладение обучающимся необходимыми компетенциями [Глазычев 1995]. Под образовательной средой подразумевается педагогически организованная система условий, влияний и возможностей для удовлетворения комплекса потребностей личности и трансформации этих потребностей в жизненные ценности [Демидова 2009: 78].

В данной статье посредством анализа государственной образовательной политики, организации образовательного пространства и практик трудоустройства спецпереселенцев в образовательной сфере мы постараемся охарактеризовать статусную неоднородность «спецконтингентов» в условиях особого административного режима.

Образовательная среда 1940–1950-х гг. существенно отличалась от условий образовательного пространства «кулацкой ссылки» 1930-х гг. Обособленная сеть учебных заведений для детей ссыльных крестьян перестала существовать в середине 1930-х гг. 15 декабря 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б), отметив «неудовлетворительное руководство со стороны Наркомпроса РСФСР делом обучения и воспитания детей трудпоселенцев», постановили обеспечить «детей трудпоселенцев всеобщим обучением на общих основаниях» и «установить, что непосредственное руководство школами трудпоселков (назначение административного и учительского состава, инспектирование, снабжение учебными пособиями, финансирование и т. д.) осуществляют соответствующие районные отделы народного образования» [Политбюро, 1 2005: 693]. Кроме того, было предписано «краевым и областным отделам народного образования обеспечить систематический контроль и наблюдение за состоянием школ в трудпоселках» [Политбюро, 1 2005: 693–694]. Пятым пунктом была утверждена возможность «детей трудпоселенцев, окончивших неполную среднюю школу, принимать на общих основаниях как в техникумы, так и в другие специальные средние учебные заведения; окончивших среднюю школу допускать на общих основаниях в высшие учебные заведения» [Политбюро, 1 2005: 693–694].

Судя по отчетам с мест, процедура перевода в школьной сети трудпоселков в ведение местных отделов народного образования фактически была проведена к концу календарного года 1936 г. [Политбюро, 2 2006: 828]. Для школьников первым годом равных возможностей стал 1937 г.

После призыва на фронт в 1942 г. детей ссыльных крестьян последовали послабления и в образовательной сфере. На основании директивы НКВД от 25 мая 1944 г. с учета спецпоселений снимались дети спецпереселенцев — бывших кулаков, направленные в школы фабрично-заводского обучения (далее — ФЗО) и ремесленные

училища [Земсков 2005: 113]. В то же время вышла директива НКВД и Прокуратуры СССР, согласно которой было решено не привлекать к ответственности за побег и не возвращать на спецпоселение «бывших кулаков», самовольно покинувших спецпоселение (если они в течение последних трех лет после выезда из мест спецпоселения занимались общественно полезным трудом) [Земсков 2005: 113]. Появление подобного документа отнюдь не было случайностью, а фиксировало сложившееся положение: не существовало не только изолированной образовательной сети, но и системы изолированных спецпоселков.

Подтверждение мы находим в словах начальника отдела спецпоселений УНКВД Новосибирской области Г. С. Жукова, который в декабре 1944 г., характеризуя ситуацию с кадровым составом аппарата спецкомендатур Сибири, осуществлявшим надзор за депортированными калмыками, отмечал: «В абсолютном большинстве областей спецпоселков в том виде, как они были раньше, уже давно не существует. Наш контингент живет так же, как и остальное правовое население, т. е. расселен по всему району. Таким образом, комендант там, где он один по штату, фактически обслуживает целый административный район, там, где их два, половину административного района» [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 171]. Данное высказывание имело непосредственное отношение к образовательной среде, так как дисперсное расселение среди правового населения приводило к механическому включению обучающихся в существовавшую общеобразовательную среду.

Наибольшая группа калмыков (27 тыс.) была депортирована на территорию Омской области в декабре–январе 1943 г. (в августе 1944 г. из ее состава выделилась Тюменская). К концу 1944 г. на территории всей Тюменской области находилось около 14 тыс. человек, Омской — 9,5 тыс. человек [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 141. Л. 240 об., 242, 242 об.]. Более подробно рассмотрим состояние образовательной среды на примере калмыцкого населения на территорию Ханты-Мансийского округа: летом–осенью 1944 г. на территорию округа прибыло 5 999 человек, из них детей до 14 лет — 2 029, подростков 14–16 лет — 564 человека [ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 329. Л. 1; 9; 12].

Анализируя положение на макроуровне, нельзя не отметить, что именно в период де-

портации калмыков было принято одно из важнейших правительственных решений, по мнению многих авторов характеризующих политику сталинского государства в отношении «наказанных народов» в целом. Речь идет о распоряжении СНК № 13287 рс от 20 июня 1944 г., принятом после обращения Л. П. Берии к В. М. Молотову от 19 июня того же года [Сталинские...: 546–547]. А. Статиев полагает, что Л. П. Берия, апеллируя к В. М. Молотову, изложил «суть ассимиляционной политики» в следующих словах: «Спецпереселенцы размещены небольшими группами в колхозах и районах вперемешку с местным — русским, казахским, узбекским и киргизским населением» [Сталинские...: 546]. Видимо, чтобы усилить впечатление от документа, А. Статиев добавил, что детей депортированных «учили на русском» для того, чтобы они «забыли свою культуру» [Statiev: 258]. В цитируемом документе действительно говорится о необходимости начального образования на русском языке для спецпереселенцев из числа представителей «наказанных» народов, расселенных в республиках Средней Азии (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар), «...в силу отсутствия соответствующих проверенных педагогических кадров», способных организовать обучение депортированных на их национальных языках. НКВД СССР считало целесообразным проводить обучение детей спецпереселенцев на русском языке в школах по месту спецпоселения [Сталинские...: 546]. Обучение детей в средних и высших учебных заведениях проводилось также на общих основаниях, но с правом перемещения только в пределах республик спецпоселения. Обращает на себя внимание отсутствие в списке двух крупных этнических контингентов — немцев и калмыков. Хотя последнее не помешало, в частности А. А. Шадту, экстраполировать данное правительственное распоряжение на немецкий контингент [Шадт 2004: 218; 222]. Мы вслед за уважаемым коллегой до настоящего времени считали это утверждение справедливым и в отношении калмыков–спецпереселенцев.

Более внимательное прочтение источника говорит о том, что априорное распространение его действия на все регионы СССР и не обозначенные в распоряжении этнические группы не совсем корректно. Более того, содержание данного документа, относящегося к среднеазиатскому региону, позволяет го-

ворить о существенных отличиях в государственных практиках формирования образовательной среды применительно различным регионам и этническим группам спецпереселенцев в СССР. Представляется, что в отношении представителей северокавказских народов государственная политика носила более ярко выраженный «советизирующий» характер, будучи открыто направленной на формирование лояльного населения. В отношении калмыков и ряда других народов, расселенных в сибирском регионе, данная политика являлась более пластичной.

Раскрывая проблематику на микроуровне, обратимся к ситуации, сложившейся в отдельных районах и школах Югры в связи с прибытием калмыков школьного возраста. Ситуация, возникшая здесь, интересна тем, что перед руководством школ района встала аналогичная проблема, что и десятилетием ранее перед руководством ОГПУ и Наркомпроса СССР: в 1932 г. для обучения детей ссыльных из национальных регионов (Украина, Казахстан) на национальных языках в спецпоселках Урала и Западной Сибири были организованы 562 «национальные группы» в общих школах с привлечением педагогов из национальных республик. От подобной практики отказались к 1935 г., на фоне нарастания трудностей с материально-техническим обеспечением «национальных» учебных заведений [Красильников 2004].

В середине 1940-х гг. требовалось также организовать всеобщее обучение для иноэтничной группы спецпереселенцев. Из протокола Сургутского райисполкома от 12 февраля 1945 г. видно, что, как и во времена «кулацкой ссылки», власти пошли по пути создания отдельных классов для спецпереселенцев. Директор Черномысовской школы Сургутского района Логинова сообщала, что все дети калмыков охвачены школой, для них создан отдельный класс [АОА. г. Сургута Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 8]. В Березовском районе, при Березовской средней и Игримской начальной школах были созданы специальные классы для калмыков. В Игримской школе имелся даже специальный интернат для 19 детей калмыков-рыбаков [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 3 об.]. Как и в случае с ссыльными крестьянами 1930-х гг., в Сургутском и Березовском районах в остальных школах обучение велось совместно с местным (преимущественно русским) населением [ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 60. Л. 83].

Неудачная попытка создания обособленных национальных классов закрепила общий негативный результат. Тюменский областной отдел образования с особым негодованием отмечал, что к сентябрю 1945 г. из 2 784 детей-калмыков школьного возраста обучением охвачены 778 человек [ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 60. Л. 83]. При этом ничего не говорилось о необходимости учета национальной специфики данной группы обучающихся и в национальных классах.

Причину неудачи попытки создания национальных классов можно видеть в том, что обучающиеся-калмыки, особенно на первых порах, нуждались в постоянной материальной поддержке, которую могли оказать только местные жители. Родителям было значительно проще объяснить, что нужно помочь однокласснику их ребенка, чем обособленному «классу иждивенцев». От национальных классов отказались во имя помощи отдельным обучающимся, распределенным по разным классам. Подтверждением этого служат воспоминания А. И. Манджиева, обучавшегося в 1945–1948 гг. в Сытоминской средней школе Сургутского района. Приведем отрывок из его трогательного рассказа: «Я учился хорошо, только по русскому языку и литературе имел оценки «четыре», а по остальным предметам — «пятерки». Зная, как матери тяжело, малые заработки в зимний период, решил поступить учеником в бондарный цех и написал на имя директора школы заявление с просьбой исключить меня из школы. Директором школы работал Питтер Михаил Иванович. Он спросил: «Где работает мать?» Я рассказал, где она работает и Ф.И.О. матери. Михаил Иванович, кроме директорской должности и был преподавателем по математике и физике в 6–7 классах. Я был его одним из лучших учеников. На следующий день он собрал педсовет, где решили выплачивать мне стипендию 200 рублей за счет школьного фонда и 100 руб. — учителя со своих зарплат. Моя стипендия — 300 рублей — оказалось, в три раза превышала зарплату матери в зимний период» [Рукопись...: 5–6]. Понятно, что помощь в таком объеме могла быть только адресной.

Важнейшими индикаторами реального содержания образовательной политики на спецпоселении и состояния образовательной среды в 1940–1950-х гг. являются: 1) наличие / отсутствие возможности продолжить образование для школьников;

2) практика трудоустройства депортированных в образовательной сфере.

Имеющиеся сведения достаточно разноречивы. С одной стороны, они позволяют предполагать наличие дискриминации. Так, Ю. О. Оглаев вспоминал, что его не приняли на исторический факультет омского вуза, поскольку существовало, со слов работника приемной комиссии, «...некое указание: калмыков в пединститут не принимать, а тем более — на исторический факультет» [Оглаев 2003]. Тем самым пресекалась возможность создания калмыцких кадров специалистов гуманитарного профиля [Гучинова 2005: 141]. Такое положение дел с обучением обществоведческим специальностям помогает нам понять политику властей в отношении использования по специальности калмыков-педагогов. В источниках различных видов на этот счет можно встретить прямо противоположные примеры: если А. С. Бадминова говорила, что «в октябре 1944 г. я устроилась работать учителем, но в 1946 г. меня уволили, так как калмычка — изменница Родины — не имела права учить и воспитывать детей» [Бадминова 2003: 194], то сельская учительница русского языка и литературы Е. И. Мукабинова работала по специальности (по состоянию на 31 декабря 1949 г.), а в 1948 г. была на летней сессии в Омске, яв-

ляясь студенткой заочницей литературного факультета Омского пединститута. Этому, вероятно, способствовал ее кандидатский стаж в ВКП(б) [ОГИК музей... 11807/3-11807/6]. А вышеупомянутый Ю. О. Оглаев, в 1953–1954 учебном году работал учителем истории в одной из школ Любинского района Омской области, «не имея специального образования» [Оглаев 2003: 218].

Вопросы о степени доступности образования для депортантов и существовании скрытых ограничений и негласных запретов при допуске спецпоселенцев к работе в образовательной сфере являются очень сложными и дискуссионными в современной историографии. Авторы, полагающие, что власть стремилась к маргинализации спецпереселенцев, указывают, в частности, на факт отстранения от работы в 1948 г. всех немцев, находившихся на поселении в Новосибирской области: учителей, преподавателей ВУЗов и артистов, связывая это с ужесточением режима спецкомендатуры [Шадт 2010]. Для получения полной картины образовательной политики и состояния образовательной среды проведем сравнительный анализ практики трудоустройства спецпереселенцев различных «контингентов» в органах образования Тюменской области конца 1940-х гг. (Табл. 1).

Таблица 1. Спецпереселенцы-выселенцы в органах народного просвещения Тюменской области (по состоянию на 20 июля 1949 г.)

Работает в органах народного просвещения	немцы	калмыки	указники	литовцы	сектанты	ОУНовцы	Бывшие кулаки ¹
Директоров (Зав.) школами	3	4	-	-	-	-	1 ²
Преподавателей	62 (4) ³	1	-	-	-	-	-
Учителей	110 (5) ⁴	30 (2)	-	-	-	-	-
Воспитателей	-	3	1	-	-	-	1
Зав. избами-читальнями	-	1	-	-	-	-	-
Всего трудоустроено по области	12 842	5 196	2 829	466	211 ⁵	107	79

Составлено по: [ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 40. Д. 143. Л. 65–83; 103–119].

¹ Данные только по г. Тюмени.

² Заместитель директора школы № 21 г. Тюмени.

³ В скобках даны сведения по г. Тюмени. По контингенту «немцы» включают преподавателя и заведующего кабинетом иностранных языков тюменского пединститута, преподавателей лесного машиностроительного техникумов.

⁴ Данные по г. Тюмени. По контингенту «немцы» включают педагога музыкальной школы и «преподавателя школы» № 21.

⁵ В том числе 50 домработниц.

Таблица 2. Спецпереселенцы-калмыки сотрудники школ Тюменской области (1948–1956 гг.)

Работают:	1 января 1948 г.	20 июля 1949 г.	1 января 1950 г.	1 января 1956 г.
Директоров / заведующих школ	-	4	4	-
Учителей	26	30	31	5

Составлено по: [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 356. Л. 348; Книга Памяти... 2004: 60–66; Боркова 2004: 139].

Данные таблицы 1 опровергают сведения А. А. Шадта. Представляется, что здесь необходимо учитывать и анализировать не только директивные указания на места, но и практику его реализации, поскольку попытки отстранения спецпереселенцев (как «подозрительных элементов») предпринимались неоднократно, но далеко не всегда желания местных властей совпадали с возможностями. Показательна история, связанная с принятием 8 августа 1950 г. Ханты-Мансийским окружкомом постановления «О засоренности аппаратов советских и хозяйственных органов округа социально-чуждыми элементами и лицами, не внушающими политического доверия» [ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1690. Л. 14–17], когда требование окружкома партии снять с руководящих постов в советских и хозяйственных организациях всех спецпереселенцев и административно высланных (ссылнопоселенцев), встретило неожиданный отпор со стороны Тюменского обкома ВКП(б), который 17 октября того же года указал югорским товарищам на «ошибочность» требования «проведения сплошной чистки аппарата советских учреждений и хозяйственных предприятий», после чего в Ханты-Мансийске вынуждены были отменить собственное решение о «массовой чистке» [ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1690. Л. 39]. Аналогичные действия предпринимались и в других регионах спецпоселения (например, в Коми АССР), но безуспешно, в первую очередь ввиду дефицита кадров [Игнатова 2009: 171].

Вместе с тем, при исследовании проблем трудовой дискриминации в образовании, полезно изучать их не только с точки зрения государственной национальной политики, но также учитывать этику поведения самих депортантов в отношении власти и отношения различных групп репрессированных по этническому признаку с режимно-административными органами. Именно подобный подход может привести нас к неожиданным результатам, поскольку пред-

ставители власти учитывали различные поведенческие стратегии и разную степень лояльности представителей отдельных этнических «контингентов». Так, обобщая результаты оперативно-розыскной работы по поиску бежавших спецпереселенцев и причинах их побегов с мест поселения начальник УНКВД Тюменской области Н. Ф. Шеваров в августе 1948 г. отмечал, что «... основными причинами побегов спецпоселенцев-немцев и калмыков являются разрозненность семей, а спецпоселенцев «указников», оуновцев и литовцев — стремление путем побега избежать пребывания в ссылке. Эти настроения усиливаются в случаях, когда хозорганы не создают им нормальных трудовых и жилищно-бытовых условий» [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416. Л. 147]. В результате уже на поселении спецпереселенцы разделялись на «более лояльных» и «менее лояльных». В соответствии с представлением о степени лояльности разных «контингентов» варьировалась строгость административного режима: в Тюменской области была «организована регулярная явка глав семей спецпоселенцев-калмыков для отметок в спецкомендатуру 1 раз в месяц, глав семей «оуновцев» и литовцев 2 раза в месяц и всех «указников» [выселенные по указу ПВС от 2 июня 1948 г. — А. И.] один раз в неделю» [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416. Л. 141]. Аналогичным образом в соседней Омской области в конце 1949 г. в местах поселения калмыки и немцы являлись для отметки в комендатуре 1 раз в месяц; «оуновцы» и латыши — 2 раза в месяц; эстонцы — 3 раза в месяц» [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 271].

Данные таблицы 1 коррелируются со сведениями отчетной документации МВД и позволяют утверждать, что на территории Западной Сибири немцы и калмыки относились к числу «более лояльных спецконтингентов» и имели приоритетный доступ (в сравнении с другими категориями спецпереселенцев) к занятию должностей в органах образования. Если сопоставить

это с данными распоряжения СНК № 13287 рс от 20 июня 1944 г., то у нас выстроится своеобразная иерархия «более лояльных» и «менее лояльных» групп спецпереселенцев, в которой к «более лояльным» относились немцы и калмыки, а к «менее лояльным» — «прибалтийские контингенты», выселенцы с Северного Кавказа, крымские татары и ОУНовцы.

Иерархическая система приобретает законченный вид, если мы вспомним, что коменданты в своей практической деятельности опирались на вышедшие 8 марта 1944 г. «Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев». В соответствии с этим документом, спецпереселенцы были формально разделены на «социально опасных» и «социально неопасных».

К категории «опасных» были причислены те из спецпереселенцев, «которые в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками районов их прежнего местожительства служили полицейскими, старостами, комендантами или по собственной инициативе выполняли другие обязанности, способствовавшие немцам в проведении карательных и репрессивных мер по отношению к советским гражданам» [Ссылка 1993: 146–147]. Обустройство на поселении первой группы производилось в условиях, обеспечивавших постоянный и усиленный надзор за ними со стороны органов НКВД [Ссылка 1993: 147].

Для второй группы спецпереселенцев — «социально неопасных» — предлагалось создавать «благоприятные условия» для трудоустройства [Ссылка 1993: 147]. Все спецпереселенцы, не относившиеся к категории «опасных», попадали во вторую группу. В особом положении находились коммунисты и комсомольцы, не утратившие общественного статуса, который они имели до депортации, хотя они выселялись на общих основаниях, даже если имели заслуги перед государством [Ссылка 1993: 25].

В результате, на спецпоселении возникла всепроникающая иерархия «контингентов» и «внутриконтингентных» групп. Положение в этой системе отношений определялось представлениями власти о степени лояльности той или иной категории спецпереселенцев.

Отнесение той или иной группы спецпереселенцев к категории «лояльных» не решало всех проблем, так как репрессии (чистки) в отношении разного рода «ненадежных

элементов», которые власти осуществляли на всем протяжении сталинской эпохи, носили волнообразный характер [Папков 2012: 388]. Данный тезис подтверждает как описанный выше случай с принятием постановления Ханты-Мансийским окружкомом, так и данные таблицы 2.

Обобщенные нами данные можно интерпретировать двояко: с одной стороны, они свидетельствуют о проведении властями политики «бутылочного горлышка» — комплекса мер, ограничивавших занятость спецпереселенцев строго определенными направлениями обучения и сферами общественного труда и требовавших замены при первой возможности работников из числа «неблагонадежных элементов» идеологически верным населением (снятие с учета спецпоселения в 1944 г. и повторная постановка на спецучет калмыков-сотрудников НКВД–НКГБ подтверждает эту гипотезу [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 455. Л. 43–45]); с другой стороны, данные таблицы 2 свидетельствуют о сохранении потенциальной возможности трудоустройства на преподавательскую работу, и, следовательно, об относительно высоком уровне доверия до конца истории калмыцкого спецпоселения. Также необходимо принять во внимание факт снятия с учета в 1955 г. ряда наиболее близких к власти категорий спецпереселенцев (коммунистов, лиц, награжденных правительственными наградами и др.), которые, по всей видимости, составляли значительную часть руководителей и педагогов в школах, а, следовательно, не вошли в учетные данные отдела «П» МВД СССР за 1956 г.

При этом не подлежит сомнению, что депортация и проводимая в сфере образования «политика бутылочного горлышка» нанесли серьезный урон по образованности депортированных и, в частности, калмыков.

По данным переписи 1939 г., общий уровень грамотности у калмыков составлял 58,7 %, а в возрастной группе от 9 до 49 лет — 72,1 %. Доля калмыков со средним школьным образованием — 2,6 %, с высшим образованием — 0,2 % [Максимов 2007: 34–35]. Спецперепись 1949 г. показала уровень грамотности взрослого калмыцкого населения: на территории Омской области: с высшим образованием — 29 человек (0,5 %), со средним — 245 (4 %), с начальным — 3 101 (50,3 %), неграмотных — 2 796 (45,3 %). В Тюменской области: с высшим образова-

ем — 12 человек (0,2 %), со средним — 153 (2,4 %), с низшим — 4 543 (71,2 %), неграмотных — 1 676 (26,3 %) [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 136; 139; 241–242; 247]. По СССР: с высшим образованием — 201 человек (0,4 %), со средним — 1 367 (2,8 %), с начальным — 28 020 (57,6 %). По сравнению с показателями грамотности населения РСФСР (98,5 %) эти показатели были достаточно низкими. Среди калмыков (по СССР) было в 2,5 раза меньше лиц с высшим образованием, чем по РСФСР [Максимов 2009: 608]. В результате депортация отбросила образовательный уровень к показателям конца 1930-х гг. Среди вернувшихся на территорию Калмыцкой АССР (к началу 1959 г.) калмыков насчитывалось 1 332 человека (2,1 %) с высшим и средним образованием [Книга Памяти: 455].

К 1 апреля 1949 г. к категории учащихся высших и средних специальных учебных заведений были отнесены 164 калмыка (107 — в Омской области; 57 — в Тюменской области) [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 136; 139; 241–242; 247]. Ужесточение режима спецпоселения в конце 1940-х гг. отрицательно сказалось на степени доступности образования. В 1955 г. в школах Омской области училось более 5 500 детей-спецпереселенцев (всех категорий), в то время как в техникумах — 216, в ВУЗах — 124 человека [ИсА ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 6940. Л. 5]. К началу 1956 учебного года в средних специальных учебных заведениях Омской области обучалось всего три калмыка [ИсА ОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 204. Л. 245]. Авторы «советской» истории Калмыкии установили, что как минимум 4 калмыка закончили ВУЗы Омска, причем один из них — в 1948 г. Один калмык работал в Омском пединституте [Очерки... 1970: 330–332]. По данным А. Некрича, один калмык защитил кандидатскую в Омске [Некрич 1993: 265].

Существование дискриминации и негативные последствия депортации были официально признаны вскоре после снятия ограничений по спецпоселению. В проекте постановления правительства «О восстановлении национальной автономии калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей» (октябрь 1956 г.) говорилось о том, что выселение народов имело следствием: «невыдвижение названных групп населения на руководящую работу; малый прием в высшие и средние специальные учебные заведения; использование не по назначению

в производственной сфере; неграмотность» [По решению... 2003: 747].

Закономерным итогом развития образовательной среды спецпоселения стала ситуация, сложившаяся к моменту снятия режимных ограничений (март 1956 г.) с калмыцкого населения Ханты-Мансийского округа. Представляется типичным положение, зафиксированное в информационном письме секретаря окружкома А. Ключникова: «Все дети калмыков охвачены обучением, но в русских школах. В школах округа обучается 416 детей калмыков, из них: в 1–4 классах — 210 чел., в 5–7 классах — 169 чел. и в 8–10 классах — 37 чел. Окончило в 1955–1956 учебном году семилетнюю школу — 31 и среднюю — 7 человек. Анализ размещения калмыков в округе показывает, что возможности создания специально калмыцких школ в округе пока нет, так как они небольшими группами размещены по большому числу населенных пунктов. <...> Кроме того, в округе нет учителей калмыков и учебников на калмыцком языке. Дети калмыков поступают учиться в специальные средние учебные заведения округа. Так медицинское училище окончило 6 чел. и в настоящее время в нем учится 3 чел. Все окончившие медучилище работают в лечебных учреждениях округа.

Кроме этого, получили из калмыков специальность киномехаников и мотористов 2 чел., окончили окружную сельско-хозяйственную, торгово-кооперативную школы школу подготовки кадров для рыболовецких колхозов 16 чел.» [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1799. Л. 37–38].

Отметим, что всего по Тюменской области к началу 1956 г. на спецучете находилось 5 учителей-калмыков [Книга Памяти... 2004: 60–66]. В этой же «информации» сообщалось о том, что в семилетней школе бывшего спецпоселка Черный Мыс, где ранее действовал «калмыцкий» класс, обучалось 24 калмыка, но по 3–4 человека в каждом классе [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1799. Л. 38]. Подтверждают достоверность указанных сведений воспоминания ученицы Черномысовской школы Нины Николаевны Распоповой: в начале 1950-х гг. «...здесь, в нашем классе, все были русские, только несколько было калмыков — 2 или 3 человека. Но мы к ним очень хорошо относились» [Запись... 2011].

Образовательная среда спецпоселения была полна различного рода скрытыми и

явными барьерами как для обучающихся, так и для педагогов-спецпереселенцев. Эти барьеры не исчезли и после формальной ликвидации обособленной сети школ для детей ссыльных. Система продолжала воспроизводить образовательные установки начала 1930-х гг., пытаясь воссоздать в годы войны сеть национальных классов и интернатов для детей депортированных в годы войны калмыков.

Попытка организовать постоянно действующие отдельные классы для этнических депортированных, как и десятилетие назад, не удалась. В этом легко увидеть проявление «политики принудительной ассимиляции» или попытку «отрыва народа от родных корней», но если мы рассматриваем ситуацию с позиции рядового спецпереселенца и чиновников районного уровня, то ситуация предстанет в ином свете: 1) создание отдельных классов для детей этнических депортантов (калмыков, немцев и др.) требовало значительных ресурсов, которых у местных властей по объективным причинам не было; 2) обособление детей вынужденных переселенцев замедляло процесс социализации и интеграции учащихся в существующую социальную и образовательную среду; 3) появление «калмыцких» классов могло привести к нарастанию социальной напряженности не только в образовательном учреждении, но и в отдельных населенных пунктах, поскольку требовало изъятия средств у местных жителей.

Образовательная среда периода 1940-1950-х гг. заметно эволюционировала в сравнении с периодом «раскулачивания» начала 1930-х:

- с 1937 учебного года дети спецпереселенцев формально получали образование на общих основаниях: в общеобразовательных школах, ССУЗах и ВУЗах;

- в отличие от 1930-х гг., не предпринимались попытки использования литературы на национальных языках и создания национальных школ для спецпереселенцев;

- учителя из числа представителей «наказанных народов» должны были вести обучение своих сородичей только на русском языке;

- в середине 1950-х гг. были признаны «существенные недостатки» в обучении этнических депортантов (о них вспомнили незадолго до снятия ограничений по спецпоселению, ввиду необходимости «закрепления» репрессированных в местах бывшего поселения).

Наметился общий вектор развития образовательной среды: параллельно с волной этнических депортаций и последовавшим за ней увеличением этнического многообразия спецпоселения усиливались унифицирующие тенденции в образовании, за счет отказа от учета национальной специфики этнических спецпереселенцев. Амбивалентность действий власти в отношении к образовательной среде спецпоселения продуцировалась стремлением советской системы сформировать из «подозрительного» населения людей лояльных, работавших там, где укажет государство, и обладавших только теми профессиями и навыками, которые ему необходимы.

Анализ комплекса документов, относящихся к истории спецпоселения, позволяет утверждать, что государственная образовательная политика на спецпоселении поддерживала установившуюся административно-режимными методами иерархию «контингентов» и «внутриконтингентных» групп (социально опасных и социально близких), положение в которой определялось представлениями власти о степени лояльности той или иной категории спецпереселенцев. Немцы и калмыки относились к числу «более лояльных спецконтингентов» и имели возможность трудоустройства в органах образования, а «менее лояльные» («прибалтийские контингенты», выселенцы с Северного Кавказа, крымские татары и ОУНовцы) были фактически лишены такой возможности. Проводимая государством на спецпоселении «политика бутылочного горлышка» нанесла значительный ущерб депортированным: отбросила общий уровень образования спецпереселенцев на довоенный уровень, привела к диспропорции в подготовке специалистов по ряду направлений и специальностей, особенно гуманитарного профиля.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-11-86009 а(р) «Спецпоселение как среда обитания (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры)».

Источники

АОА г. Сургута — Архивный отдел администрации города Сургута
Бадьмина А. С. Мне не дали работать учителем // Мы — из выселенных навечно. Вос-

- поминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. П. О. Годаев. Элиста: АПП Джангар, 2003. С. 193–194.
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
- ГАХМАО — Государственный архив Ханты-Мансийского округа
- Запись интервью с Н. Н. Распоповой // Полевые материалы автора, г. Сургут, 2011 г.
- ИсА ОО — Исторический архив Омской области
- Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3-я. Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа: Сб. док-тов и мат-лов. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.) / сост. В. З. Атуева, Л. С. Бурчинова, Г. С. Санджиева и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 584 с.
- ОГИК музей — Омский государственный историко-краеведческий музей
- Оглаев Ю. О.* Через тернии — к свету и знаниям // Мы — из выселенных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. П. О. Годаев. Элиста: АПП Джангар, 2003. С. 216–223.
- «По решению правительства СССР...» (Депортация народов: док-ты и мат-лы) / сост., предисл., коммент. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 927 с.
- Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2005. 912 с.
- Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1020 с.
- Рукопись воспоминаний А. И. Манджиева (1931 г. р.) // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой). Л. 1–6.
- Ссылка калмыков: как это было: сб. док-тов и мат-лов. Т. I. Кн. 1 / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова [и др.]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
- Сталинские депортации. 1928–1953. М.: МФД: Материк, 2005. 904 с.
- Литература**
- Алексеева Л. В.* Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере 1920–1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2003. 251 с.
- Боркова Е. В.* Депортация калмыков в Тюменскую область (1944–1956 гг.) // Вестник Тобольского государственного педагогического института. 2004. № 3. С. 136–143.
- Гучинова Э.-Б. М.* Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт: ibidem, 2005. 282 с.
- Демидова Н. И.* Исследование подходов к категории «образовательная среда» в истории психолого-педагогической мысли // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 5. С. 76–82.
- Загороднюк Н. И.* Школы для спецпереселенцев (30–50 гг.) // Исторический опыт образования Тюменского края. Мат-лы обл. науч. конф. Тюмень: [б/и], 1992. 208 с.
- Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
- Игнатова Н. М.* Спецпереселенцы в республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар: ИИО Коми НЦ УрО РАН, 2009. 192 с.
- Кирилюк Д. В.* Системные проблемы школьного образования на Тюменском Севере в 1945–1966 гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. Т. 4. № 2 (32). С. 25–29.
- Красильников С. А., Сарнова В. В.* Сохранение национальной культуры и этничности спецпереселенцами в Сибири в 1930–1940-е годы // Национально-культурная политика в Сибирском регионе в XX в.: Сб. науч. тр. Новосибирский гос. университет. Новосибирск, 2004. С. 197–217.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма / отв. ред. Д. А. Чугаев. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2007. 374 с.
- Максимов К. Н.* Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация (1943–1950-е гг.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: ИД Герел, 2009. Т. 2. С. 580–641.
- Мошкин В. В.* Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север (1930–1933 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2008. 215 с.
- Некрич А.* Наказанные народы // Нева. 1993. № 9. С. 223–261; № 10. С. 246–284.
- Папков С. А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
- Стась И. Н.* Развитие образования как фактор урбанизации Ханты-Мансийского автономного округа (1960-е — начало 1990-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практи-

- ки. 2015. № 10–1 (60). С. 167–171.
- Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2007. 496 с.
- Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.
- Шадт А. А. Национальная политика в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск: Наука-Центр, 2004. 293 с.
- Шадт А. А. Этническая ссылка советских немцев // Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. Новосибирск, 2010. С. 355–416.
- Statiev A. Soviet ethnic deportations: intent versus outcome // Journal of Genocide Research. (2009) 11(2–3). June–September. P. 243–264.
- Sources**
- АОА г. Surguta — *Arkhivnyy otdel administratsii goroda Surguta* [Archival Department of the Surgut Municipality].
- Badminova A. S. *Mne ne dali rabotat' uchitelem* [I was not allowed to work as a teacher]. *My — iz vyseleennykh navechno. Vospominaniya deportirovannykh kalmykov (1943–1957 gg.)* / sost. P. O. Godaev [We are those who were once deported forever. Memoirs of deported Kalmyks (1943–1957). Comp. by P. Godaev]. Elista, Dzhangar Publ., 2003, pp. 193–194 (In Russ.).
- GA RF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation].
- GASPITO — *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast].
- GAKhMAO — *Gosudarstvennyy arkhiv Khanty-Mansiyskogo okruga* [The State Archive of Khanty-Mansi Autonomous Okrug].
- Zapis' intervyyu s N. N. Raspopovoy // *Polevye materialy avtora, g. Surgut, 2011 g.* [A record of an interview with N. Raspopova. Author's field data. Surgut, 2011].
- IsA OO — *Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti* [The Historical Archive of Omsk Oblast].
- Kniga Pamyati ssylki kalmytskogo naroda. T. I. Ssylka kalmykov: kak eto bylo. Kn. 3-ya Vosstanovlenie avtonomii i reabilitatsiya kalmytskogo naroda: Sb. dokumentov i materialov. Chast' 1-ya. Vosstanovlenie avtonomii (1956–1963 gg.)* / Sost.: V. Z. Atueva, L. S. Burchinova, G. S. Sandzhieva i dr. [Deportation of the Kalmyk people: a memorial book. Vol. I. Deportation of the Kalmyks: how it was done. Book 3. Restoration of the autonomy and rehabilitation of the Kalmyk people: a collection of documents and materials. Part 1. Restoration of the autonomy (1956–1963). Comp. by V. Atueva et al.]. Elista, Kalm. Book Publ., 2004, 584 p. (In Russ.).
- OGIK muzey — *Omskiy gosudarstvennyy istoriko-kraevedcheskiy muzey* [Omsk State Museum of History and Regional Studies].
- OglaeV Yu. O. *Cherez ternii — k svetu i znaniyam* [Through hardships to the light of knowledge]. *My — iz vyseleennykh navechno. Vospominaniya deportirovannykh kalmykov (1943–1957 gg.)* / sost. P. O. Godaev [We are those who were once deported forever. Memoirs of deported Kalmyks (1943–1957). Comp. by P. Godaev]. Elista, Dzhangar Publ., 2003, pp. 216–223 (In Russ.).
- «*Po resheniyu pravitel'stva SSSR...» (Deportatsiya narodov: dok. i mat-ly)* / sost., predisl., komment. N. F. Bugay, A. M. Gonov [“According to the decision of the USSR Government ...” (Deportations: documents and materials). Comp., introd., comment. by N. Bugay, A. Gonov]. Nalchik, El-Fa Publ., 2003, 927 p. (In Russ.).
- Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: V 2 kn. Kn. 1* [The Politburo and peasantry: deportations and special settlements. 1930–1940. In 2 books. Book 1]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 912 p. (In Russ.).
- Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: V 2 kn. Kn. 2* [The Politburo and peasantry: deportations and special settlements. 1930–1940. In 2 books. Book 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 1020 p. (In Russ.).
- Rukopis vospominaniy A. I. Mandzhieva (1931 g. r.)* // *Semeynyy arkhiv T. A. Mikhalevoy (Mandzhievoy). L. 1–6* [A manuscript of memoirs by A. Mandzhieva (born 1931) from the family archive of T. Mikhaleva (Mandzhieva). Pp. 1–6].
- Kniga Pamyati ssylki kalmytskogo naroda. Ssylka kalmykov: kak eto bylo: sb. dok. i mat-lov. T. I. Kn. 1* / sost.: P. D. Bakaev, N. F. Bugay, L. S. Burchinova [i dr.] [Deportation of the Kalmyk people: a memorial book. Vol. I. Deportation of the Kalmyks: how it was done. Book 1. ... A collection of documents and materials]. Elista, Kalm. Book Publ., 1993, 264 p. (In Russ.).
- Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalinist deportations. 1928–1953]. Moscow, MFD Materik Publ., 2005, 904 p. (In Russ.).

References

- Alekseeva L. B. *Sotsiokul'turnaya politika sovetskoy vlasti na Ob'-Irtyskom Severe 1920–1941 gg.: priority, formy osushchestvleniya i rezul'taty* [Soviet socio-cultural policies of in the Ob-Irtys North in 1920–1941: priorities, methods and results]. Ekaterinburg, Publ. Dept. of Inst. for History and Archaeology (Ural Branch of the RAS), 2003, 251 p. (In Russ.).
- Borkova E. V. *Deportatsiya kalmykov v Tyumenskuyu oblast' (1944–1956 gg.)* [Deportation of Kalmyks to Tyumen Oblast (1944–1956)]. *Vestnik Tobolskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Bulletin of Tobolsk State Pedagogical Institute], 2004, No. 3, pp. 136–143 (In Russ.).
- Guchinova E.-B. M. *Pomnit' nel'zya zabyt'. Antropologiya deportatsionnoy travmy kalmykov* [Never to be forgotten. Anthropology of the post-deportation trauma of the Kalmyks]. Stuttgart, 2005, 282 p. (In Russ.).
- Demidova N. I. *Issledovanie podkhodov k kategorii «obrazovatel'naya sreda» v istorii psikhologo-pedagogicheskoy mysli* [Researching the category 'educational environment' in the history of psycho-pedagogical thought]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], 2009, No. 5, pp. 76–82 (In Russ.).
- Zagorodnyuk N. I. *Shkoly dlya spetspereselentsev (30–50 gg.)* [Schools for 'special settlers' (displaced persons), 1930–1950]. *Istoricheskiy opyt obrazovaniya Tyumenskogo kraja. Mat-ly. obl. nauch. konf* [Education in Tyumen Region: a Historical Retrospective. Proc. of the regional conf.]. Tyumen, 1992, 208 p. (In Russ.).
- Zemskov V. N. *Spetsposeletsy v SSSR, 1930–1960* ['Special settlers' in the USSR, 1930–1960]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 306 p. (In Russ.).
- Ignatova N. M. *Spetspereselentsy v respublike Komi v 1930–1950-e gg.* ['Special settlers' in the Komi Republic, 1930–1950s]. Syktyvkar, Publ. Dept. of Inst. of Language, Literature and History (Ural Branch of the RAS), 2009, 192 p. (In Russ.).
- Kirilyuk D. V. *Sistemnye problemy shkol'nogo obrazovaniya na Tyumenskom Severe v 1945–1966 gg.* [Systemic problems of secondary education in the Tyumen North in 1945–1966]. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura* [The Northern Region: Science, Education, Culture journal], 2015, vol. 4, No. 2 (32), pp. 25–29 (In Russ.).
- Krasilnikov S. A., Sarnova V. V. *Sokhranenie natsional'noy kul'tury i etnichnosti spetspereselentsami v Sibiri v 1930–1940-e gody* [Preservation of national culture and identity by displaced persons in Siberia in 1930–1940s]. *Natsional'no-kul'turnaya politika v Sibirskom regione v XX v.: Sb. nauch. tr.* [National and cultural policies in Siberia in the 20th c.]. Novosibirsk, Novosibirsk State Univ. Press, 2004, pp. 197–217 (In Russ.).
- Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Epokha sotsializma / otv. red. D. A. Chugaev* [The Kalmyk ASSR: historical sketches. The Socialist era. Edit. by D. Chugaev]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 432 p.
- Maksimov K. N. *Velikaya Otechestvennaya voyna: Kalmykiya i kalmyki* [The Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks]. Moscow, Nauka Publ., 2007, 374 p. (In Russ.).
- Maksimov K. N. *Repressii protiv kalmytskogo naroda i ego rehabilitatsiya (1943–1950-e gg.)* [Repressions against the Kalmyks and their rehabilitation (1943–1950s)]. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dnei: v 3 t.* [History of Kalmykia from the ancient times to the present days]. Elista, Gerel Publ., 2009, vol. 2, pp. 580–641 (In Russ.).
- Moshkin V. V. *Krest'yanskaya ssylka na Ob'-Irtyskiy Sever (1930–1933 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Deportation of peasants to the Ob-Irtys North (1930–1933)]. Nizhnevartovsk, 2008, 215 p. (In Russ.).
- Nekrich A. *Nakazannye narody* [The punished peoples]. *Neva* (magazine), 1993, No. 9, pp. 223–261; No. 10, pp. 246–284 (In Russ.).
- Papkov S. A. *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary terror. Stalinist policies in Siberia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, 440 p. (In Russ.).
- Stas I. N. *Razvitie obrazovaniya kak faktor urbanizatsii Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga (1960-e — nachalo 1990-kh gg.)* [Development of education as a factor urbanization of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (the 1960s — the beginning of the 1990s)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2015, No. 10–1 (60), pp. 167–171 (In Russ.).
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. *Kalmyki: vyselenie, vozvrashchenie, vozrozhdenie. 1943–1959 gg.* [The Kalmyks: exile, return, revival]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2007, 496 p. (In Russ.).
- Chernolutsкая E. N. *Prinuditel'nye migratsii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920–1950-e gg.*

- [Forced migrations in the Soviet Far East in 1920–1950s]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2011, 512 p. (In Russ.).
- Shadt A. A. *Natsional'naya politika v Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [National policy in Siberia during the Great Patriotic War]. *Zapadnaya Sibir' v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.)* [Western Siberia and the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Nauka-Tsentr Publ., 2004, 293 p. (In Russ.).
- Shadt A. A. *Etnicheskaya ssylka sovetskikh nemtsev* [Deportation of Soviet ethnic Germans]. *Marginaly v sovetskom sotsiume. 1930-e — seredina 1950-kh gg.* [Soviet social outcasts. 1930s — mid-1950s]. Novosibirsk, 2010, pp. 355–416 (In Russ.).
- Statiev A. Soviet ethnic deportations: intent versus outcome. *Journal of Genocide Research*, 2009, vol. 11 (2–3), June–September, pp. 243–264 (In Eng.).

УДК 94 (47+57)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА И ИЕРАРХИЧНОСТЬ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1940–1950-е гг.)

Александр Сергеевич Иванов ¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра Естественно-научных и гуманитарных дисциплин, Сургутский институт нефти и газа — филиал Тюменского индустриального университета в г. Сургуте; старший преподаватель, кафедра истории России, Сургутский государственный университет (Сургут, Российская Федерация). E-mail: 88d@bk.ru.

Аннотация. В данной статье посредством анализа государственной образовательной политики, организации образовательного пространства и практик трудоустройства спецпереселенцев в образовательной сфере характеризуется статусная неоднородность «спецконтингентов» в условиях особого административного режима.

В среде спецпоселенческого социума депортированных в годы войны народов «внутриконтингентных» социально близких власти групп (сотрудников советских спецслужб, членов ВКП (б) / КПСС и ВЛКСМ). Принадлежность к одной из «благонадежных» групп не снимала клейма спецпереселенца, но создавала благоприятные предпосылки для успешной социализации на поселении. На противоположном «полюсе лояльности» находилась группа «социально опасных» спецпереселенцев, за которыми обеспечивался постоянный и усиленный контроль органов НКВД / МВД. Внутриконтингентная иерархия органично дополнялась межконтингентной. Практика трудоустройства спецпереселенцев-педагогов позволяет утверждать, что на поселении сложилась иерархия «более лояльных» (немцы, калмыки) и «менее лояльных» (Прибалтийские контингенты, депортированные с Северного Кавказа, крымские татары, ОУНовцы) контингентов спецпереселенцев.

Автор приходит к выводу, что проводимая государством на спецпоселении «политика бутылочного горлышка» нанесла значительный ущерб депортированным: отбросила общий уровень образования спецпереселенцев на довоенный уровень, привела к диспропорции в подготовке специалистов по ряду направлений и специальностей, особенно гуманитарного профиля.

Ключевые слова: депортация, спецпоселение, образовательная среда, спецпереселенцы-калмыки.